

ТЕННИС

Александр Рогинский

Александр Рогинский

Теннис

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19395795
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

С первой страницы этой книги читатель погружается в пограничный мир реальности. Речь о потаенной жизни психоневрологического диспансера, куда неожиданно попадает главный герой. Кого здесь только не встретишь! Главный врач, опытный психиатр, строит свою работу, исследуя больных в действии. Для этого и ставится теннисный стол, а сама игра становится не только способом отвлечения от навязчивых состояний, а и полем жестокой битвы. Действие закручивается в непредсказуемом направлении...

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ ТЕННИС

* * *

Началась болезнь с того, что у Пинского умер близкий друг. Умер от рака легких, хотя сам был онкологом.

Спустя несколько недель, в отпуске, лежа рядом с Косточкой (так он называл свою подругу Алку Брюдову за костлявость), Пинский почувствовал, что сейчас с ним что-то жуткое произойдет.

Он вскочил с постели и, едва натянув спортивные брюки, бросился на улицу.

Они отдыхали по курсовке, жили на частной квартире. В дом отдыха, который находился в лесу, на берегу Тетерева – темной речки с обрывистыми скалами – ходили только питаться и на всякие увеселительные мероприятия.

Пинский бросился в лес.

Он мчался так, словно за ним гналась стая голодных волков. Голова не то что горела – разрывалась, сердце колотилось так, что, казалось, лес гудел его ритмом.

Пинский думал: это смерть.

Ему показалось, что у него рак мозга — именно с мозгом что-то происходило. Ужасная сосредоточенность на себе и безысходность.

Он мчался по ночному лесу, налетая на кустарники, но ловко, словно его вел кто-то, обегая деревья; он исцарапал себе лицо, но бежал все быстрее, пока не задохнулся. Сердце стучало железнодорожными колесами у самого носа.

Никак не мог отдышаться. Хотел умереть, но так, чтобы это было безболезненно.

Как этот кошмар закончился, не помнил. Очнулся от холода.

Оказалось, он сидит на пне над обрывом, а внизу, в провале, слышится движение воды.

Рассветало. Туман, как из парной, вылезал из леса, обваливался вниз к реке.

Сосны роняли тяжелые капли чистой влаги. Пинский был мокрый и холодный.

— Что это было? — спросил себя. — Болезнь, — ответил. — Тебе надо лечиться.

Тяжело встал; едва не вывихнул ногу, оступившись в нору крота. Вышел на поляну и чуть не столкнулся с бегущим человеком.

Бегун был в куртке с капюшоном и в трусах. Ноги утреннего спортсмена исцарапаны; Пинский успел только увидеть сосредоточенный пустой взгляд, скользнувший лезвием бритвы.

Когда Пинский вернулся, Косточка еще спала. От нее исходил теплый молочный запах – запах нагретого в любви женского тела.

Пинский быстро разделся, юркнул в теплое гнездышко. Косточка вскочила как угорелая. Но тут же обмякла, сонливость победила.

– Какой ты ледяной, – сказала, сладко засыпая.

А он прижался к ней, отбирая женское тепло. Ему захотелось повторить ночную бурю, но остановился, а вдруг снова начнется?

Как только начал засыпать, все повторилось: выталкивало из комнаты, из замкнутого пространства. Его обуял ужас.

Что же это такое, что же это такое, бормотал Пинский, натаскивая на себя брюки и свитер. Немедленно к врачу.

– Эй, – ткнул он в бок Косточку. – Поднимайся.

– Что такое? – испуганно спросила Алла, опираясь на локти.

– Что-то непонятное, надо бежать к врачу, а не то сойду с ума.

– Ты перебрал вчера, милоч, – улеглась в свое теплое гнездышко Косточка.

– А ну вставай! – заорал Пинский.

– Валера, да что такое? – по-настоящему испугалась Алла.

Она вскочила, быстро натянула на себя юбку, если то, что было на ней, можно было так назвать, пошла мыться.

– Да потом будешь марафет наводить, побежали.

Пинский потащил ее на улицу. Она на ходу причесывалась, все-таки умудрилась зачерпнуть из стакана горсть воды сполоснуть лицо.

– Ты сумасшедший, – нервно говорила, едва поспевая за ним.

– Вот и я так думаю, быстрее.

Было очень рано, в городской поликлинике в вестибюле пожилая женщина в халате и шапке-ушанке терла пол мокрой тряпкой.

– Вам куда? – зыркнула из-под руки. – А ну назад, рабочий день еще не начался.

– А дежурный врач есть?

– Это вам не больница.

Пришлось два часа сидеть в ожидании начала работы поликлиники, потом еще долго объяснять причину появления; ни карточки, ни записи у Пинского не было.

Наконец, толстая добродушная врачиха, которая, видно, очень торопилась на работу и надела разные чулки, приказала Пинскому раздеться. Прослушала сердце, посмотрела пристально в глаза.

– Боткиным болели?

– Не болел.

– Да, – сказала с сожалением. – Дело ясное. Пьете много?

– Как все.

– Значит, много. Наркотики?

– Близко в рот не беру.

– Их редко в рот берут. Придется обратиться к психиатру, мотор у вас дай Бог.

– А голова?

– А что голова?

– Я же вам рассказывал.

– Выпейте что-нибудь от головной боли.

И избавьте меня от нее же, договорил Пинский за врачиху.

Никто ему здесь не поможет; такая тоска вдруг накатила, все стало противно, а о конуре, которая именовалась их комнатой, и подумать не мог. Она представлялась сейчас душегубкой.

Состояние было просто страшным; «обратитесь к психиатру». В этой поликлинике психиатр принимал по четвергам, а сейчас был только вторник.

Внутри бушевала паника. Алла смотрела на него испуганно, она еще никогда не видела Пинского таким.

– Слушай, – сказала ему, когда вышли на улицу. – А что, если выпить хорошо?

Действительно, чего он мучается? Не зря говорят, водка универсальное лекарство.

Зашли в гастроном, он купил бутылку водки, у всех на виду выдул сразу половину. Крякнул, посмотрел по сторонам.

Посетители с интересом наблюдали. Это в восемь утра, алкаш какой, а внешне на интеллигента тянет!

Стало хорошо. И от поступка, и от тепла, волнами разливающегося по телу. Через несколько минут страх исчез, буд-

то и не было.

— Умничка, Косточка, — сжал руку подруги. — Лучшего лекарства не найдешь.

И тут подумал: если этим лечиться — спиться недолго, да и дороговатые лекарства получаются, а как работать?

Решили так: чтобы не портить отпуск, отдыхать с водкой, если прихватывать будет, а дома начать лечиться по-настоящему.

Странно, болезнь отступила, словно испугалась градусов.

Все, кажется, прошло. Они наотдыхались вдоволь: накапались на лодке среди тетеревских скал, нанярялись в темной воде омутов, належались на маленьких пляжах, на которые наступали узловатые гранитные корни деревьев с перекрученными, как штопор, стволами.

Вернулись в Киев в начале осени. Знакомые и друзья одобрили загар и тонус.

Пинский приступил к работе в фирме, которую недавно создал и главным делом которой был выпуск рекламно-информационной литературы.

Фирму устроили в полуподвале элитного дома в центре города, сделали евроремонт, повесили яркую вывеску, дали рекламу в газеты, на телевидение, в журналы... Дело завертелось, так что болеть Пинскому было никак нельзя, а тем более лечиться водкой.

Некоторое время все шло хорошо, работа втиснула Пинского в такой ритм, что приходил в себя только поздно вече-

ром в своей постели. А голова уже работала на завтрашние и послезавтрашние дела. И все же подсознательно в нем теперь постоянно жила тревога.

Сегодня Пинский пришел на работу раньше обычного. Тому было несколько причин. Главная – сдача сборника «Весь Киев». Идея издания принадлежала ему. Как-то в магазине «Дружба», роясь в букинистическом отделе, обнаружил любопытную книжонку «Весь Киев», изданную в XIX веке.

Там было все о городе – история улиц, адреса фирм, заводов, реклама... Увидев книжицу, Пинский расстроился. Оказывается, в его родном городе бизнесмены уже водились, и, судя по книге, люди были с головой.

А он-то думал, что его фирма была первой такой.

Пинский просматривал макет, как вдруг из темноты сознания начала нарастать тревога.

Свет померк; все, что окружало Пинского, съежилось, утонуло во мраке; тревога превратилась в панику; страх выталкивал из кресла. Помещение сразу стало неуютным, враждебным.

* * *

Марк Борисович страдал бессонницей. Ложился в двенадцать, два часа спал, просыпался, читал, снова засыпал, вернее, задремывал, в половине шестого вставал, выводил ро-

твейлера Балту на прогулку, выпив чашечку крепчайшего кофе, уходил на работу.

Диспансер, в котором работал Марк Борисович Розовский, находился в старинном двухэтажном здании времен чуть ли не Петра I. Стены полтора метра толщины, окна – настоящие бойницы. Внутри своды уходили ввысь, коридоры были узкими, двери скрипели, полы прогибались, туалеты с проржавевшими бачками и «дергалкой» для слива воды шумели водопадом, пищу готовили на огромной кирпичной плите с размером в футбольное поле...

Марк Борисович открыл калитку, встретил Клару Ефимовну. Это была толстая и необыкновенно подвижная женщина, ставшая, благодаря усердию и таланту, старшей сестрой. Женщина-самоучка. Ее бабушка считалась в округе непревзойденной врачевательницей, знала основательно лечение травами. Она и привила Кларе любовь к болящим. Розовский был доволен Кларой. Если уж создавать стандарт человека (а по глубокому убеждению Розовского, не все могли называться так), то непременно с Клары Ефимовны. Возле нее больной всегда чувствовал тепло и надежность, а ее словом внушались даже самые убежденные материалисты. Голос у Клары был мягкий и глубокий. Говоря, она всегда смотрела прямо в глаза.

- Доброе утро, Марк Борисович, вы снова не выспались.
- И все-то ты видишь, Кларочка, как прошла ночь?
- Привезли тяжелую, депрессия. Видно, муж здорово на-

пугал в брачную ночь, едва привели в чувство.

– Так-так, – сказал Розовский. – Давненько тяжелых не было.

Он зашел в свой кабинет, быстро переоделся и двинулся в изолятор, где лежала новенькая.

Розовский был уверен, что «ночной» доктор Борис Лукерь сейчас долго начнет докладывать по-научному о болезни, ее причинах, поэтому прежде хотел сам осмотреть больную. Марк Борисович не терпел научности, хотя и был ученым. Он давно пришел к выводу, что психиатрии противопоказана научность. Психиатр должен заболеть на время болезнью пациента, смотреть на состояние больного не снаружи, а изнутри.

Розовский пододвинул тяжелую дубовую табуретку, сел у изголовья больной. Перед ним лежала девчонка явно маминного воспитания, не знавшая до свадьбы и простого поцелуя. На таких половая любовь обрушивается с силой тайфуна, слабая нервная система, бывает, не выдерживает.

Марк Борисович провел легонько большим пальцем по пухлым булочкам щек, реакции не было. Притронулся рукой к голове девушки, она открыла глаза. Зрачки были широкими и темными.

Розовский начал говорить мягко и убедительно. Сейчас главное создать благоприятный звуковой фон, успокоить потрясенный мозг. Но все же говорил осмысленные вещи, помня о третьем уровне подсознания. Он говорил, что вот, нако-

нец, она приехала в место, где ей обязательно помогут. Рассказал, что из клиники выходят только здоровыми, что ничто страшное ей не грозит.

Глаза девушки оставались безжизненными, руки вялыми. Типичный случай срыва на половой основе.

Процесс лишения девственности проходил очень болезненно, девушка сильно испугалась; теперь этот страх сидит занозой, превратился в память, стал навязчивым.

После осмотра Марк Борисович вернулся в кабинет, тут же явился Лукерь.

– Как вы ее нашли, Марк Борисович?

– А что вы скажете?

– Мне кажется...

– Да, кажется, – задумчиво сказал Розовский, – придется мальчонку вызывать.

– Кого? – не понял Лукерь.

– Мужа. Надо с ним переговорить. Организуйте, Борис Иванович.

В десять у Розовского был обход. Он взял журнал, дав тем самым понять, что разговор окончен, стал просматривать записи. – Я вижу, у нас еще один новенький появился.

* * *

Больше терпеть он не мог. Даже водка не помогала. Начало прихватывать каждый день, особенно к вечеру. Заметил:

если заниматься активно делами, болячка не трогает, притивается. Чувствовал ее постоянно, зримо представлял. Что-то вроде быстро растущего гриба внутри, может, так и начинается рак?

Фирма выпустила, наконец, «Весь Киев», который за неделю разошелся. Можно неплохо подзаработать, а потом, кто мешает издавать такую же справочную литературу о других городах?

Работа возвращала в человеческое состояние, но ожидание приступов страха озлобляло: долго ли это будет продолжаться?

Ситуация усложнялась тем, что никому кроме Алки не мог рассказать о своей напасти. В его болезни было нечто постыдное, странное, его состояние трудно было передать словами.

А как можно возглавлять фирму, если ты побывал в «психушке»? А именно туда ему и предстояло лечь; из пояснения поликлинического врача понял, что у него болезнь психоневрологического свойства, что лучше всего обследоваться в клинике Розовского.

Но не хотел ложиться; здоровенный мужик, в прошлом спортсмен, утром зарядку делает, не курит, мало пьет... Стыдно!

Но когда прихватывать начало в каждой командировке, когда начал бояться собственной квартиры, а, читая книгу, газету или даже деловую бумагу, искал три буквы «р», «а» и

«к». При сложении этих букв получалось слово «рак», отчего по телу ударяла молния в несколько тысяч вольт... Терпеть такое становилось невыносимо. Выбора не оставалось.

Пинский написал на свое имя заявление на отпуск за свой счет. Сослуживцам сказал, что уезжает по семейным делам.

* * *

Клара Ефимовна провела Пинского в приемный покой, усадила на толстый дубовый стул, попросила подождать. Через несколько минут снова появилась.

– Вам, Валерий Аркадьевич, назначена третья палата, там два места заняты, вы будете третьим. Теперь возьмите из вашего чемоданчика самые необходимые вещи, у нас такой порядок, ничего лишнего с собой больные не берут.

«Больные» кольнуло Пинского, значит, он действительно болен. Одно дело, когда сам себе так говорил, другое, когда это звучало официально.

Он вложил в кулек шлепанцы, зубную щетку, мыло, все, что брал и в командировку (а чем это не командировка?).

Медсестра открыла дверь, пропустила Пинского. Он вошел в узкую и длинную палату, в которой стояли три кровати, между ними тумбочки, – вот и вся обстановка.

– Ваша койка у окна, располагайтесь. Будут вопросы, вы знаете, где меня найти.

Клара Ефимовна мягко улетучилась, пространства сразу

стало больше.

Сопалатник лежал на высоком одре, читал книгу. Только, заметил Пинский, желваки прошлись волной по твердому лицу.

Пинский забросил кулек во вместительную дубовую тумбочку (когда открыл дверцу, пахло запахом копченого мяса; кто-то неплохо здесь лечился).

В комнате повисла напряженная пауза, «спортсмен» (как сразу окрестил лежащего) никак не прореагировал на появление новенького.

– Познакомимся, – сказал Пинский, обходя кровать. – Меня зовут Валерий Пинский.

– Саша, – не отрываясь от книги, словно плюнул словом спортсмен.

– Давайте хоть поздороваемся, – протянул руку Пинский.

– Давайте.

Пинский ощутил железную хватку, рука попала в металлические тиски. Пинский ответил тем же. Так они «здоровались» до тех пор, пока рука у Пинского не посинела.

– Ну что ж, – сказал Пинский, – знакомство состоялось. Вы ведь спортсмен?

– А какое вам дело? Вы лечиться сюда явились, а не знакомиться со мной. Для этих дел за дверью сколько угодно желающих. Идите в туалет, там заседает клуб психов.

– А вы разве не один из них? – ответил резкостью на резкость Пинский.

– Слушай, иди ты...

Наступила тяжелая тишина. Как сейчас хотелось Пинскому хлопнуть дверью и уйти.

Но вместо этого лег на кровать, закинул руки за голову. Придется привыкать. Сосед, конечно, попался... Еще в поликлинике Пинского предупредила участковая, что удобств особых в диспансере нет, здание старое, люксы не предусмотрены. Ему и так досталась палата на три персоны, что не преминула отметить Клара, когда они шли по коридору: «вам повезло, вчера как раз выписался математик».

– Слушайте, Саша, а кто был мой предшественник? – спросил Пинский.

Саша резко повернулся к Пинскому, вдруг улыбнулся. Странная это была улыбка, в глазах стальная жесткость, а рот как бы отдельно являл белые длинные зубы; ежик волос, напоминающий стальную щетку для чистки металла, был разноцветным, посередине проходила белая полоса, а по бокам серая и черная.

– Вижу, нелегкая принесла любителя поговорить. В шахматы играешь?

Вопрос был настолько неожиданным, что Пинский нервно засмеялся.

– Немного, а что?

– А то, что здесь, чтобы не сдохнуть от скуки, надо уметь играть в три игры: онанизм, шахматы и пинг-понг. Петя уже освоил две, сейчас осваивает третью.

– С вами не соскучишься.

– Да не выкай, тут не институт благородных девиц, а вот лучше скажи, зачем ты здесь? В бабу втюрился, а она рога наставила? Или украл чего и совесть заела?

– А что бывает и такая болезнь?

– Сколько хочешь. Я, например, такой страдаю. Украл миллион, а теперь думаю, зачем так мало.

– Такие книжек не читают, – улыбнулся Пинский.

– А ты посмотри, что это за книга.

И Саша повернул к нему обложку толстого тома.

Пинский прочитал: «Энциклопедия преступлений».

– Ого!

– Вот тебе и «ого», учись брат воровать и убивать, иначе проведешь жизнь в тоске и бедности.

Спортсмен повернулся, углубился в чтение.

Пинский надел больничный халат, от которого несло нашатырным спиртом, пошел осматривать клинику. Их палата выходила в коридор; направо пойдешь, в столовую и к врачам придешь, налево... Налево и повернул Пинский. Он вышел в большую гостиную со столом посредине для пинг-понга; шла ожесточенная игра. В правом углу на колченогом столике мигал телевизор; перед ним в несколько рядов стояли стулья с высокими спинками. Вдоль стены располагался длинный кожаный диван с шахматным столиком. С потолка свисал огромный красный абажур. Ему было, наверное, столько же лет, что и здешним стенам и мебели.

Мячик метался по небольшим квадратам полей, никак не желал падать на землю. Противостояли два игрока: небольшого росточка с горящими, как у свирепой собаки, глазами и высокий, на неподвижном туловище которого двигались лишь длиннющие руки. Голова, отдельно существующая, наблюдала со спокойным злорадством за происходящим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.